и буять да пьянчевать за едну и за две целыя недели. Оттоле же изидошя заговейны пиры, оттоле имянины, родины и крестины: оттоле поминания тако часта, коими ся души паче обтяжчают неже облегчают. Пьянством бо и новым грехом не чистится старый грех. Оттоле наконец исходят и сами Дворски пиры: которые велики господари наряжают либо послом иностранским, либо своим домашним властелем и дворяном».

На вопрос, не есть ли это пьянство результат природного гостеприимства славян, Крижанич отвечает ссылкой на другие славянские народы, родственные русским и, однако, не склонные к «скаредному пьянству», «да беху ся по улицам в блату утоплены валяли мужи и жены мирски и духовны, и да беху многи от пьянства умирали. Нигде ся не зрит толико поневольных пиров и тако различных пиром имен. Нигде инде ся не зрят таковы промыслы и таково принужание к упоению, неже токмо где ся обретают бесовски кабаки» (стр. 300).

Как видим, Крижанич довольно глубоко затрагивает вопрос о русском пьянстве. Для него кабаки вредны не только сами по себе, разоряя народ подчас до тла, но они страшны и своим развращающим действием на весь быт: приучая не пить, а напиваться, они переносят это обыкновение в домашнюю жизнь, чем усугубляется не только нравственное, но и экономическое разложение целых сословий.

V

На фоне всех приведенных исторических данных особенно ярко выступает реализм автора «службы кабаку». Его тема — именно кабацкое пьянство. Изредка наравне употребляя оба названия — кабак и корчма, автор наделяет их одинаковыми эпитетами, и только в одной стихире отразилось воспоминание о различии этих имен. Там автор различает прошлое и настоящее: «иже прежде зовема и в древняя наша лета корчма, ныне же тайно глаголем и умилно взываем: радуйся, кабаче...». Но обычно современная автору корчма ничем не отличается в его сознании от кабака. О том же, как мы видели выше, говорят и официальные данные. Ко второй половине XVII в. корчемство пустило глубокие корни, добралось почти до самых царских палат в Кремле, и приемы спаивания и грабежа в этих тайных корчмах практиковались те же, что и в кабаке. Таким образом, смешивая иногда эти два термина, автор по существу не искажает историческую картину: «людем обнажение велие» происходило везде. Но целовальник, как представитель кабацкой власти, «неправым богатством» разбогатевший, упоминается в сатире не раз: к нему «умилно вопиет»